

Очерки прошлаго

Предлагаемъ вниманію читателей окончаніе интересныхъ записокъ извѣстнаго нашего писателя Г. А. де-Воллана, касающихся его службы въ министерствѣ иносвѣранныхъ дѣлъ, и событій прошлой сербско-турецкой войны.

Ред.

Умираетъ Вестманъ. Жомини заставили отказаться отъ мѣста товарищи. Горчаковъ хотѣлъ Стремухова. Но тутъ возгорѣлась интрига самая ожесточенная... Государь не хотѣлъ Стремухова, и тотъ подалъ въ отставку. Гирса назначили одновременно таварищемъ и директоромъ азіатскаго департамента, вице-директоръ баронъ Остенъ-Сакенъ, кажется, былъ назначенъ директоромъ департамента внутреннихъ сношеній (вице-директоромъ назначили Мельникова). Стюартъ послѣ нѣкотораго времени попалъ въ Бухарестъ и на мѣсто начальника отдѣленія былъ назначенъ Персіани.—Пока Стюартъ еще былъ начальникомъ отдѣленія и онъ предложилъ мнѣ ѣхать въ Соединенные Штаты первымъ секретаремъ. Это мѣсто не прельщало никого. Говорили, что въ Америкѣ дорого жить. И вдругъ я узналъ, что назначили туда Григорія Вилламова.—Потомъ рассказывали, что его хотѣли почему-то сплавить изъ Петербурга, хотя онъ былъ въ Петербургскомъ обществѣ *persona grata*, бывалъ даже на придворныхъ балахъ. Красивый и видный онъ представлялъ бы собою хорошій образецъ русскаго. А какъ разъ въ это время была выставка въ Соединенныхъ Штатахъ.—Жаль только, что онъ былъ неграмотенъ и писалъ

іеромонахъ—яромонахъ... Но это пустяки, какъ говорилъ Стюартъ. Онъ прожилъ въ Соединенныхъ Штатахъ около 10 лѣтъ и затѣмъ попалъ первымъ секретаремъ въ Бухарестъ, гдѣ и умеръ...

Ну какъ не вѣрить въ судьбу и не быть фаталистомъ... Попади я въ Америку въ то время, я, можетъ быть, тамъ остался бы на несчетное число лѣтъ и, вѣроятно, не попалъ бы въ Сербію и моя карьера была бы иная... А въ это время уже начиналось броженіе въ Босніи и Герцоговинѣ. Александръ Семеновичъ Іонинъ, съ которымъ я познакомился еще у Гильфердинга, былъ тогда генеральнымъ консуломъ въ Рагузѣ. Наружность его была необыкновенная. Вмѣсто головы у него на шеѣ торчала мертвая голова, обтянутая, конечно, кожей. Но при разговорѣ съ нимъ вы забывали о его наружности и находились подъ обаяніемъ его интересной личности. Зиновьевъ, тоже очень острый и интересный дипломатъ, былъ назначенъ въ то время въ Персію. Я ему передалъ свою записку о національномъ вопросѣ въ Венгріи (потомъ я передѣлалъ это въ статью, а затѣмъ въ брошюру), и онъ мнѣ сказалъ, что онъ прочиталъ всю ночь напролетъ. *Si non è vero, во всякомъ случаѣ, очень любезно.*

Въ департаментѣ я сошелся съ двумя братьями кн. Шаховскими. Одного Сергѣя скоро назначили секретаремъ къ Іонину... Сергѣй казался тогда очень восторженнымъ, но не особенно даровитымъ. — Онъ очень высоко ставилъ брата своего Льва Владиміровича и говорилъ: вотъ пріѣдетъ братъ, онъ такой дѣльный и проч. Дѣйствительно, пріѣхалъ братъ Левъ Владиміровичъ и поступилъ въ мой столъ. Онъ и тогда казался мнѣ ненормальнымъ. Онъ раньше готовился къ кафедрѣ, но потомъ задумалъ перейти въ министерство иностранныхъ дѣлъ.—Я его повелъ къ Яковлевымъ, и онъ, думая, что на полу лежитъ платокъ, поднялъ его къ великому ужасу З. Ю., такъ какъ это была ея юбка... Потомъ чуть не спалилъ свою роскошную шевелюру отъ лампы. Мы съ нимъ были очень хороши, онъ мнѣ повѣрялъ свои тайны, свои надежды на бракъ съ дочерью Каткова. Ему не нравилась канцелярская дѣятельность. И вдругъ онъ сдурилъ. Что-то ему показалось, что я съ нимъ обращаюсь слишкомъ по-начальнически, и онъ захотѣлъ вызвать меня безъ всякой причины на дуэль. Саввѣ Яковлеву онъ повѣрилъ это дѣло, но онъ уговорилъ его, и предполагаемая дуэль окончилась обѣдомъ. Очень образованный, талантливый, какъ доказали это письма съ войны, онъ былъ

неровень, и я думаю, что и тогда у него были зачатки душевной болѣзни. Женившись на Катковой, онъ вышелъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ и потомъ, какъ я слышалъ, даже тяготился тѣмъ, что долженъ померкнуть въ лучахъ своего тестя. И тутъ онъ спятилъ и говорилъ: я князь Шаховской— а она все-таки Каткова. Потомъ мы уже не встрѣчались, хотя я бывалъ въ Москвѣ у его родителей.

Братъ его Сергѣй Владиміровичъ былъ совсѣмъ другого калибра. Сергѣй не былъ такъ начитанъ, такъ уменъ, какъ его братъ, но это была уравновѣшенная, спокойная натура, умѣющая воспользоваться благопріятными моментами.—Я самъ былъ свидѣтелемъ быстрой карьеры, которую онъ сдѣлалъ.— Въ министерство вдругъ было донесено, что Шаховской читаетъ „Впередъ“ или какой-то подпольный органъ.

Дѣло въ томъ, что Шаховского вызвали въ 24 часа въ Петербургъ, и онъ не зналъ, за что его отозвали изъ Цетинья... Мы товарищи сошлись, обсудили его положеніе и не знали, кто доставилъ ему доступъ къ гр. Блудовой. Блудова приняла въ немъ большое участіе. Въ одно изъ посѣщеній у Блудовой Шаховскимъ, къ ней пришелъ Государь Александръ II-й; узнавъ, откуда Шаховской, спросилъ его про Герцоговняское возстаніе. Еще одинъ визитъ и опять встрѣча съ Государемъ. А потомъ Шаховской уѣзжаетъ въ Москву и схватываетъ тифъ. Тогда акціи Шаховского поднимаются выше. Блудова спрашиваетъ Гирса о здоровьѣ, и даже самъ Государь освѣдомился у него о здоровьѣ Сергѣя. Когда началась война съ Турціей, то Шаховской поѣхалъ туда братомъ милосердія и когда надо было назначить уполномоченнаго, то Государыня сказала вскользь, что хорошо бы назначить на это мѣсто такого энергичнаго дѣятеля, какъ Шаховской. Понятно, что назначили Шаховского. Оттуда онъ попалъ въ Прибалтійскій край и тамъ повелъ политику въ русско-національномъ духѣ. Мы урывками встрѣчались съ нимъ въ то время. Мы были съ нимъ на ты, и онъ при встрѣчахъ всегда крѣпко сжималъ меня въ своихъ объятіяхъ. Не будь этого допоса, Шаховской шелъ бы потихоньку отъ секретаря генеральнаго консульства на слѣдующую ступень. Какъ-то помнится, собрались у Дюнонъ Іонинъ, Домонтовичъ, Исаковъ, еще кой-кто, Шаховской и я... Разговоръ былъ оживленный, каждый старался сказать что-нибудь интересное одинъ Шаховской точно воды въ ротъ набралъ, такъ что Іонинъ даже замѣтилъ, обращаясь къ нему: а отчего вы ничего не ска-

жете... Онъ небылъ ни ораторомъ, ни писателемъ, а только иногда восторженнымъ глашатаемъ какойнибудь истины, но во всякомъ случаѣ, это былъ въ высшей степени порядочный и хорошій человекъ.

Шатохинъ былъ карьеристъ до мозга костей, мы съ нимъ сошлись и даже ѣздили на Иматру. Я его повезъ къ нѣкоторымъ знакомымъ. Потомъ его назначили въ Рагузу и послѣ короткаго пребыванія тамъ онъ вернулся въ Петербургъ. Онъ потомъ мнѣ рассказывалъ, что въ министерствѣ онъ старался прежде всего понять, какое тамъ вѣяніе (чѣмъ пахнетъ—его выраженіе) и сообразно съ этимъ очертилъ положеніе. Такъ какъ многіе желали считать Герцоговинское возстаніе пустякомъ, то нашъ карьеристъ въ этомъ духѣ повелъ разговоры. Его попросили составить записку и пошла писать губернія.—Когда Шатохинъ сообщилъ мнѣ объ этомъ, я ему выразилъ свое негодованіе... Но онъ, вѣроятно, думалъ про себя, глупъ ты, братецъ, ... ты не пойдешь далеко... Свѣдѣнія, привезенныя Шатохинымъ, шли въ разрѣзъ съ донесеніями Іонина. Когда потомъ кн. Шаховской сказалъ у Блудовой Государю, что возстаніе торжествуетъ, то Императоръ Александръ II сказалъ: ихъ успѣхъ меня радуетъ... Шатохинъ, несмотря на свой оппортунизмъ, не сдѣлалъ карьеры. Потомъ онъ перешелъ къ Каткову, но и тамъ у него не было чѣмъ выдвинуться, кажется, занимался своимъ имѣніемъ. Другого брата, бывшаго въ Болгаріи, я не зналъ... Въ то время какъ Шатохинъ былъ въ Рагузѣ, Гартвигу предложили мѣсто, но онъ не хотѣлъ принимать его, пока Шатохинъ не изъявилъ желанія перемѣнить свой постъ на какой-нибудь другой. Черта, которая мнѣ очень понравилась, въ настоящее время, когда люди вырываютъ другъ у друга самые лучшіе, лакомые куски.

Если мнѣ не измѣняетъ память—Гартвигъ потомъ оставался еще нѣкоторое время въ департаментѣ. Потомъ онъ былъ назначенъ въ Рагузу и оттуда вице-консуломъ въ Бургасъ.

Гартвигъ кончилъ курсъ въ университетѣ, былъ вполне образованный человекъ. У него были стремленія заниматься наукою; собралъ громадную библіотеку на службѣ, потомъ въ департаментѣ, въ которомъ онъ потомъ достигъ мѣста директора азіатскаго департамента. Владѣя перомъ и хорошій работникъ, онъ былъ неоцѣнимъ во времена гр. Ламсдорфа и (моего товарища по Московскому университету) кн. Оболенскаго, когда наши верхи съ трудомъ писали по-русски, а русскій языкъ, благодаря Александру III, наконецъ требовался отъ русскихъ

дипломатовъ. Какъ человѣкъ просвѣщенный и русскій патриотъ Гартвигъ былъ полезнымъ дѣятелемъ. Ему повредило то, что онъ не зналъ Крайняго Востока и такую страну, какъ Америку, гдѣ изъ *quantité négligeable* выросли великія державы. Но въ этомъ не виноватъ человѣкъ, а система, при которой однихъ постоянно держали за границей, а другихъ въ Петербургѣ. У нѣмцевъ и у англичанъ секретари не засиживаются на одномъ мѣстѣ больше двухъ лѣтъ, такимъ образомъ секретарь, если въ немъ есть что-нибудь свое, пока дойдетъ до посланника или, скажемъ, до большого мѣста въ министерствѣ, перебиваетъ почти вездѣ и, что всего важнѣе, ознакомится не только съ мѣстными условіями, но и съ выдающимися людьми. Но у насъ на этотъ счетъ придерживаются экономіи. Такимъ образомъ американцы не жалѣютъ для пробной стрѣльбы военныхъ судовъ, ни пороха, ни снарядовъ и т. д., а у насъ въ этомъ отношеніи соблюдается тоже экономія, которая потомъ отзывается на успѣшности военныхъ дѣйствій.

Изъ лицъ, которыхъ я встрѣтилъ тогда, былъ служащій въ министерствѣ финансовъ Пушкаревъ.

Этотъ Пушкаревъ былъ потомъ во время войны съ Турціей въ полевомъ казначействѣ, и онъ рассказывалъ много интереснаго.

Въ эту зиму я нанялъ квартиру на Моховой въ домѣ Недоброва. Квартира въ бель-этажѣ и стояла не дорого (1200 руб. въ годъ). У меня былъ старый лакей Велецкаго, нашего начальника отдѣленія, который лѣтомъ уѣхалъ въ Санъ-Франциско генеральнымъ консуломъ. Тихонъ былъ изъ породы старыхъ слугъ. Онъ считалъ себя скорѣе моимъ дядькою. Привыкнувъ беречь деньги у Велецкаго, онъ и у меня соблюдалъ ту же бережливость. На старости лѣтъ онъ женился. Жена его была у меня кухаркой.—Лѣтомъ я нанялъ дачу у Яковлевыхъ на Черной Рѣчкѣ.—Въ эту же зиму мой родственникъ Пантелеймонъ Александровичъ Иловайскій привезъ ко мнѣ молодого человѣка, который отрекомендовался Николаемъ Ильичемъ Булацелемъ.—Оказалось, что онъ, кончивъ гимназію и, получивъ свою часть выкупныхъ, прожилъ ихъ въ веселыхъ кутежахъ въ Харьковѣ. Затѣмъ осталось общее имѣніе, въ которомъ хозяйничалъ его братъ и у Николая Ильича не было большихъ средствъ. Тогда онъ задумалъ поступить въ министерство. Пантелеймонъ Александровичъ привезъ его ко мнѣ, чтобы помочь ему указаніями, совѣтами. У Булацеля была

протекція. Его сестра была морганатическая супруга принца Николая Петровича Ольденбургскаго и пользовалась титуломъ графини Остенбургской. Булацель пріѣхалъ ко мнѣ скромнымъ юношей, безъ средствъ, я, не зная, что у него есть какая-нибудь поддержка, предложилъ всѣ пособія, сказалъ, что требуется для экзамена и въ концѣ концовъ пригласилъ его жить на квартирѣ (за небольшую плату).

Надо сказать, что хитрый Коля, какъ его прозвалъ Савва, принялся за дѣло съ большимъ рвеніемъ, занимался весь день, даже лѣтомъ не искалъ никакихъ развлеченій. Поступивъ въ министерство, гдѣ вообще не даютъ вновь поступающимъ жалованья, онъ былъ очень расчетливъ, такъ какъ имѣлъ очень мало. Онъ не зналъ основательно французскаго языка, онъ скоро ему выучился въ совершенствѣ, а также началъ писать порядочно по-русски. Поступивъ въ Канцелярію, онъ оперился. Онъ, кажется, хорошо игралъ на билліардѣ, въ разныя карточные игры, и кажется счастливо. У него стали водиться иногда большія деньги. Тогда у него явилась потребность къ роскоши, онъ уже не могъ ѣсть „de la vache enragée“, а лучшей обѣдѣ въ лучшемъ ресторанѣ и не садился за обѣдъ безъ шампанскаго. Хотя мы жили почти все время вмѣстѣ вплоть до его назначенія вторымъ секретаремъ въ Лондонъ, но мы другъ друга видѣли только къ утреннему кофею или иногда вечеромъ, если Булацель случайно заходилъ на квартиру. Онъ являлся изъ какой-нибудь компаніи, гдѣ весело проводилъ время, а я, какъ онъ выражался, читалъ „у книжку“. Общаго у насъ было мало, но отношенія у насъ были хорошія и товарищескія. Когда мы жили вмѣстѣ, то къ намъ на квартиру заглядывалъ довольно часто принцъ Ольденбургскій. Вечеромъ у насъ подавался чай, и вдругъ мальчишка-лакей (Тихонъ уже отправился къ праотцамъ) докладываетъ намъ, что не хватаетъ ложекъ. Я доставалъ ихъ, и принцъ очень смѣялся нашему хозяйству. Надо сказать, что хотя мы были хороши съ Булацелемъ, но я не познакомился съ его сестрою. Однажды Булацель говоритъ мнѣ: Принцъ тебя приглашаетъ къ обѣду на такой-то день. Я сожалѣю, отвѣтилъ я, но я званъ въ такой-то домъ и мнѣ обѣщали сдѣлать пирогъ съ капустою. Булацель началъ кипятиться и сказалъ, что такъ нельзя поступать, разъ тебя зоветъ принцъ. Но я остался при своемъ мнѣніи.

И, конечно, меня уже больше не звали на Моховую, гдѣ жилъ принцъ. Булацель тамъ обѣдалъ и завтракалъ каждый день. Эта интимность въ домѣ принца ему очень помогла, многіе

стали заискивать въ Булацелѣ... Когда гр. Капнистъ, младшій совѣтникъ министерства и впослѣдствіи директоръ Азіатскаго департамента, бывалъ въ канцеляріи, то онъ подавалъ руку только первымъ секретарямъ. Встрѣтивъ Булацеля, который былъ тогда вторымъ секретаремъ канцеляріи, онъ протянулъ ему руку—Булацель быстро спряталъ руку за спину и съ низкимъ поклономъ сказалъ Капнисту: „Pardon, monsieur le Comte, je ne suis pas premier Secrétaire“...

Министерствомъ управлялъ въ отсутствіе Горчакова и Стремоухова Жомини и Мельниковъ. Жомини смотрѣлъ на это дѣло слегка и когда ему подали записку о томъ, что возстаніе скоро кончится, онъ послалъ ее въ Ливадію. Государь сдѣлалъ помѣтку „странно, что это противорѣчитъ донесеніямъ Іонина“. Къ осени пріѣхалъ Карцевъ изъ Бѣлграда. Онъ пріѣхалъ за программой, за инструкціей; но оной не оказалось въ Петербургѣ. Говоря съ Государемъ, онъ выразился про реформы Андраши—онѣ выѣденнаго яйца не стоятъ. Прошла зима въ увеселеніяхъ въ пользу герцоговинцевъ; но сочувствія со стороны общества было мало. Въ это время и началось возстаніе въ Босніи и Герцоговинѣ—первый приступъ великой Славянской борьбы. Произошло кровавое дѣло въ Кевесиньѣ. Теперь или никогда будетъ поднятъ Славянскій вопросъ, подумалъ я: это начало новаго историческаго теченія, которое унесетъ за собою много остатковъ старины и поведетъ къ перемѣнамъ во всемъ политическомъ строѣ Востока. Я держалъ пари, что это только начало къ великому историческому движенію, и до сихъ поръ не отказывался отъ своей мысли. Мнѣ казалось, что необходимо было напустить на Турцію всѣ маленькія государства и затѣмъ Россіи двинуться на подмогу братьямъ. Стюартъ назначенъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Бухарестъ.—Настало лѣто. Сербія и Черногорія объявили войну Турціи. Черняевъ явился первымъ добровольцемъ въ Сербію. Наступила паника на биржѣ. Но потомъ всѣ успокоились. До того времени я не принималъ участія въ дѣлахъ Славянскаго Комитета. Общихъ собраній не было. Предсѣдатель отсутствовалъ; онъ находился въ деревнѣ. Вся дѣятельность въ это тревожное время выпала на долю Комиссіи для сборовъ. Во главѣ этой Комиссіи былъ Т. И. Филипповъ. Я сталъ бывать тамъ. Приходили члены, но изрѣдка. Прихожу однажды и замѣчаю встревоженные лица, слезы на глазахъ Кирѣева и иконы въ углу со свѣчами. Пришла вѣсть о смерти Кирѣева. Отслужили панихиду, и тутъ по-моему начался пер-

вый энтузіазмъ, первый бурный порывъ въ русскомъ обществѣ. Всѣ знали Кирѣева; у многихъ явилось желаніе послѣдовать его примѣру... Панихиды въ церквахъ, воззванія, все это наэлектризовало нашу публику.

Что-то совершенно новое, свѣжее, молодое сказывалось въ сонливомъ русскомъ обществѣ. Чопорный Павловскъ и тотъ по нѣскольку разъ требовалъ Сербскаго гимна. Азартъ, который проявлялся въ этихъ изъявленіяхъ, ничѣмъ не уступалъ видѣннымъ мною въ Италіи манифестаціямъ. Комиссія еще не знала, что ей дѣлать, а скучно было сидѣть безъ дѣла. Смерть Кирѣева, какъ электрическая искра, зажгла и разбудила русское общество. Воззванія были разосланы въ громадной массѣ; явились добровольцы, которые хотѣли послѣдовать примѣру Кирѣева. Въ журналахъ явились статьи воинственнаго характера. Въ этомъ общественномъ возбужденіи были иногда себялюбивыя черты, было желаніе выставить себя на показъ, играть роль. Но гдѣ этого не бываетъ? Возьмите страны съ развитою внутреннею жизнью, и вы увидите только въ фанатикахъ идеи, въ извѣстныхъ избранникахъ исторіи искренность убѣжденія.

Я встрѣчалъ нѣкоторыхъ своихъ знакомыхъ изъ западниковъ. Тѣ расхолаживали меня, говоря, что въ обществѣ не можетъ быть настоящаго одушевленія. „Вотъ если будетъ тысяча, другая добровольцевъ изъ Россіи, тогда мы повѣримъ, что Россія созрѣла для политической жизни“. Явились добровольцы въ Комитетъ, сначала люди обезпеченные, петербургскіе. Меня изумило, что многіе изъ нихъ требовали пособія изъ Комитета; но встрѣчались и такіе, которые поднимались безъ шума, не ища пособія въ Комитетѣ, и шли въ Сербію. Особенно серьезно и благоговѣйно къ своему дѣлу относились простые солдаты. „Развѣ можно брать за это деньги?“, и имъ выдавали только билетъ на проѣздъ.

Восторженные проводы добровольцевъ, обильные сборы въ кружкахъ, на блюдахъ, разносимыхъ на гуляньяхъ, все это извѣстно всѣмъ, пережившимъ это время. Нѣкоторые члены Комиссіи явились, такъ сказать, во главѣ движенія. „Теперь мы сила, говорили они, и мы можемъ многого достигнуть“. Что подъ этимъ разумѣлось, я и не понялъ. Въ Комиссіи начались разногласія. Остракизмъ постигъ редактора „Голоса“ за одинъ ѣдкій фельетонъ, направленный противъ почтеннаго и весьма полезнаго дѣятеля профессора О. Θ. Миллера. Это изгнаніе отразилось неблагопріятно на самомъ Славянскомъ дѣлѣ; въ охла-

жденіи общества къ славянскому дѣлу редація „Голоса“ принимала потомъ самое дѣятельное участіе.

Другой случай,—ссора одного дѣятеля по кружечной комиссіи съ казначеемъ,—возбудилъ оживленныя пренія. Казначей, въ глазахъ многихъ членовъ, былъ незамѣнимъ, и вотъ ради него хотѣли пожертвовать господиномъ X. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ вырѣзалъ на своей печати слова: „уполномоченный Славянскаго Комитета“ (выходка для дѣятеля наивная) и оскорбилъ казначея Петрова. Его хотѣли привести къ позорному столбу, пропечатать его въ газетахъ (нигдѣ такъ не злоупотребляютъ этой угрозой, какъ въ Россіи): ступай оправдывайся потомъ, согласно французской пословицѣ: „клеветци, все-таки что-нибудь останется“. Я былъ противъ этого суда (за отсутствіемъ подсудимаго). Къ моему мнѣнію присоединился Орестъ Миллеръ и нѣсколько другихъ, не увлеченныхъ въ эту борьбу. Я могу сказать про себя, что я былъ зрителемъ этихъ сборовъ и жертвованій. Кружки я не бралъ, блюда не носилъ на собраніяхъ, не потому что я не хотѣлъ помогать въ этомъ Славянскому Комитету; но на это дѣло было всегда много желающихъ. Я только прилежно посѣщалъ засѣданія комиссіи и отказался отъ званія секретаря, имѣя въ виду посѣтить въ скоромъ времени Сербію. У меня давно созрѣла мысль, что между словомъ и дѣломъ не должно быть разницы. Меня всячески отговаривали. Одинъ лишній человѣкъ, что онъ можетъ сдѣлать. Лучше вы возьмите на себя порученіе Комитета. Я согласился исполнить порученіе Комитета, но съ тѣмъ, что, окончивъ это порученіе, поѣду къ Черняеву. Поѣхалъ я туда на собственный счетъ. Если я объ этомъ упоминаю, то единственно въ виду записки Мартыанова и другихъ нападокъ на дѣятелей Славянскаго Комитета. Что я не бралъ ни подъемныхъ, ни прогонныхъ денегъ, напротивъ жертвовалъ по силамъ Славянскому Комитету и прежде въ Венгріи, это можно видѣть по роспискамъ, которыя у меня хранятся, и справиться по книгамъ въ Славянскомъ Комитетѣ.

Кто можетъ сказать, что онъ представитель общественнаго мнѣнія, что онъ знаетъ мнѣніе народа—этой громады въ десятки милліоновъ? Можно судить объ общественномъ мнѣніи приблизительно только по тому впечатлѣнію, которое производятъ на васъ рѣчи вашихъ знакомыхъ. Если вы присутствуете въ Павловскѣ при какомъ-нибудь шумномъ изъявленіи, если слышите восторженные рѣчи Ореста Миллера, покрываемыя громомъ рукоплесканій, если видите, какъ охотно жертвуютъ проходя-

щимъ съ кружками: то вы имѣете свидѣтельства довольно полновѣсныхъ общественнаго возбужденія. Кто же можетъ копаться въ душѣ каждаго дающаго, рукоплескавшаго и сказать, что это не восторгъ, а какое-то недоразумѣніе.

Наше министерство раздѣлилось на двѣ партіи. Одни сочувствовали сербамъ (Никоновъ, Игнатьевъ жалѣли ихъ и предсказывали поражение). Мельниковъ, Новиковъ, Карцевъ были противъ нихъ и писали донесенія въ этомъ духѣ. Въ высшихъ сферахъ боялись этого движенія. Славянское движеніе можетъ отразиться и на нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Государь писалъ Государынѣ „побѣды Черняева для меня лучше всякихъ водъ“. Онъ самъ спросилъ гр. Келлера „и ты скоро ѣдешь въ Сербію, съ Богомъ“. Сочувствіе было во всемъ обществѣ. Не будь сочувствія, развѣ не могли закрыть наши комитеты, запретить всякія демонстраціи, сборы. Сначала Славянскій Комитетъ испрашивалъ позволенія у министерства отпечатать воззваніе. Аксаковъ никого не спросилъ и махнулъ воззваніе. Проводы добровольцевъ сопровождались оваціями. Возбужденіе росло. Наши министерскіе чувствовали, что движеніе ушло изъ-подъ ихъ рукъ и что оно скоро перерастетъ ихъ. Мнѣ казалось, что самая рискованность и неизвѣстность, въ которой находился Черняевъ, сдѣлали его любимымъ героемъ нашего общества. Общество перестрадало съ нимъ Славянскій вопросъ. Вотъ сейчасъ прійдетъ поражение, думаетъ всякій, и сердце болѣзненно бьется при этой мысли. Помню, какіе споры возникали у насъ въ министерствѣ. Мельниковъ говорилъ: „вотъ сейчасъ турки церемоніальнымъ маршемъ пройдутъ въ Бѣлградъ. Сербамъ не справиться. Мы имъ сказали, что предоставимъ ихъ ихъ участи“. Но предсказаніе это не сбылось. Пришла вѣсть объ Августовскихъ дняхъ. (Я держалъ пари за сербовъ). Сіяющіе, радостные восторгались тѣ, которые желали побѣды сербамъ. Сербы и Черняевъ стали намъ особенно дороги въ эти тяжелыя минуты. Выскочки спѣшили туда, кто изъ желанія отличиться передъ товарищами. Приходили вѣсти объ убитыхъ. Началось повсемѣстное снаряженіе санитарныхъ поѣздовъ. Я сравниваю это движеніе съ движеніемъ, которое охватило Европу, когда Лафайетъ поѣхалъ въ Америку бороться за независимость зарождающейся республики.

Когда онъ былъ тамъ, то энтузіазмъ къ его дѣлу раздѣлилъ и коронованныхъ особъ (см. „Русскій Архивъ“: Екатерина II сочувствовала этому движенію). Приходили въ комитетъ отчаян-

ныя телеграммы отъ Черняева. Вотъ, вотъ думали посвященные ближе въ тайну, вотъ будетъ катастрофа. Около Государя было два теченія. Не было программы, каждый агентъ нашъ дѣлалъ на свой образецъ. Карцевъ, зная настроеніе министерства, телеграфировалъ, что сербы трусы, что турки побѣдятъ, мѣшалъ дѣйствіямъ славянскаго комитета. *Юминъ*, напротивъ, находилъ необходимымъ помочь самому движенію. Новиковъ, сообщая о началѣ войны, высказалъ фразу: „Сербы будутъ побиты, но такъ имъ и надо, но крайней мѣрѣ, они успокоятся“.

Стюартъ, бывшій вновь въ Бухарестѣ, не имѣлъ той опытности и того безстрастія, которое требуется отъ государственнаго дѣятеля. Прежде всего, говорилъ всегда Стремоуховъ, надо любить самое дѣло, надо имѣть священный огонь и не относиться къ дѣлу съ формальной стороны...

Не было руководящаго ума, дающаго стройное движеніе нашей политикѣ. Мнѣ вспомнилось выраженіе, сказанное Бисмаркомъ нашему послу въ Берлинѣ (Убри) *Горчаковъ* *относится къ событіямъ не какъ государственный человекъ, а какъ репортеръ газеты. Главное дѣло ему написать ноту, а не руководить событіями.* Меня утѣшала одна мысль, что великъ Богъ земли русской и безъ кормчаго выйдемъ мы въ море, а тамъ быть можетъ насъ вывезетъ наше русское „авось“.

Скажу про себя мало, я только и думалъ о борьбѣ этой горсти людей противъ сильнаго врага и считалъ своей обязанностью доказать дѣломъ свое сочувствіе къ угнетеннымъ—я находился въ самомъ странномъ настроеніи. Я стремился туда. Когда я объявилъ свое желаніе ѣхать туда, то съ моей сестрой сдѣлалась истерика. Всѣми силами я успокоилъ ее и просилъ ее поѣхать на югъ для устройства моихъ дѣлъ. Теперь каюсь, я въ первый разъ поступилъ чрезвычайно гадко, оставивъ я обманувъ сестру, которая меня ужасно любила. Мнѣ не хотѣлось сказать ей правду и рѣшительно сказать, что я ѣду, а напротивъ прибѣгъ къ уловкамъ, хитростямъ, даже нарушилъ свое слово (въ первый разъ въ жизни) и поѣхалъ. Славянскій комитетъ сдѣлалъ меня уполномоченнымъ, но не давалъ мнѣ никакихъ инструкцій.

Очень трудно было приступить къ дѣлу, не зная ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей. Изъ разговоровъ съ Филипповымъ и другими я могу заключить, что мнѣ даютъ *carte blanche* на все, что я сдѣлаю. Вмѣстѣ съ тѣмъ я выгородилъ свою свободу дѣйствій, т.-е. право поступить волонтеромъ въ сербскую армію. Тогда Филипповъ сказалъ: „И Азраилъ тебя

не встрѣтитъ, прельстясь блескомъ твоихъ очей“. Меня утѣшало одно, что моя поѣздка не будетъ ничего стоить комитету и я все сдѣлаю на собственный счетъ.

Могу сказать, что не разъ приходилось выдавать больше то тому, то другому добровольцу, иногда они не хотѣли принимать отъ меня, тогда я увѣрялъ ихъ, что это идетъ изъ суммъ Славянскаго комитета. Послѣ меня сдѣлали уполномоченными Лишина и Дандевиля (каждому по 300 въ мѣсяць — подъемныхъ до 600 руб.).

До отъѣзда я опять просилъ, чтобы мнѣ дали письменное наставленіе. Хотя моя поѣздка и не стояла бы денегъ комитету, но я желалъ, чтобы очерченъ былъ кругъ подлежащей мнѣ дѣятельности. „Дѣлайте, что знаете, трудно опредѣлить издалека что тамъ нужно“, вотъ былъ общій голосъ. „Но во всякомъ случаѣ пишите, а то попадутъ туда и пропадутъ безъ вѣсти“. У насъ въ комиссіи пріемъ добровольцевъ былъ порученъ Вульфурту, Дандевилю и Лишину. Отправками завѣдывалъ секретарь комиссіи, Аристовъ. При этомъ была особенная кружечная комиссія, особенная для вещевыхъ пожертвованій. Дандевиль отправился впослѣдствіи въ Бѣлградъ для пріема добровольцевъ. Лишинъ набиралъ отрядъ въ Добруджу. Ему хотѣлось подать руку некрасовцамъ и произвести отвлечение турецкихъ силъ, которое помогло бы Черняеву. Онъ мнѣ объяснилъ свою мысль. Для формировація этого отряда былъ посланъ Абрамовъ въ Кишиневъ. Съ другой стороны существовало намѣреніе пойти въ Болгарію, и для этого надо было найти удобный переходъ черезъ Дунай. Черняевъ требовалъ людей къ себѣ, Нарышкинъ хотѣлъ вести 300 казаковъ къ Черняеву. Выходила путаница. Каждая минута могла быть рѣшительною, а тутъ заниматься наборомъ отряда, что требовало нѣсколько мѣсяцевъ времени и отнимало у Черняева нѣсколько сотенъ людей. Это было, по моему мнѣнію, несвоевременно.

Засѣданія комиссіи были шумны. Слышались споры, горячія рѣчи. Всюду чувствовалось оживленіе. Въ послѣднемъ засѣданіи, въ которомъ я присутствовалъ, обсуждался вопросъ о возстаніи болгаръ. При мнѣ было отвергнуто предложеніе

Ионина (не консула, а брата его) о посылкѣ небольшихъ отрядовъ за Дунай, на томъ основаніи, что уже много денегъ истрачено на болгаръ и ничего не вышло изъ этихъ стараній.

Комиссія сама не знала чего держаться. Изъ этихъ преній я догадался и о своемъ порученіи приготовить почву для предпріятія Лишина. Мнѣ дали письмо къ Иванову (исправнику въ Кишиневѣ) и сказали: „тамъ вы все узнаете“. Ивановъ оказалъ мнѣ медвѣжью услугу. Я хотѣлъ побывать у Стюарта (онъ былъ нашимъ дипломатическимъ агентомъ въ Румыніи) и вообще сохранить въ тайнѣ, что я пріѣхалъ по порученію Комитета. Но увы, Ивановъ телеграфировалъ о моемъ пріѣздѣ en clair Евлогію Георгіеву и Ходжи Христо, Стюартъ же мнѣ сообщилъ тотчасъ объ этомъ съ ужасомъ, что подумаетъ въ Бухарестѣ полиція, увидѣвъ, какъ мы подъ руку ходили въ городскомъ саду. Еще лучше—комитетъ за подписью Филиппова послалъ Румынскому Министерству нѣчто въ родѣ вѣрительной грамоты на мое имя—Братіано первымъ дѣломъ съэтою бумагою явился къ Стюарту, сказавъ: я не понимаю по-русски... Стюартъ отвѣтилъ: О—это вамъ переведемъ и прикарманилъ документъ, который хранился у него въ архивѣ.

Ивановъ, оказалось, не зналъ, какимъ путемъ проникнуть въ Добруджу, и высказалъ мнѣ свое удивленіе, что отъ Комитета пріѣхали сюда двое офицеровъ (Абрамовъ и Максимовичъ) для собиранія свѣдѣній. Первому было поручено задерживать добровольцевъ и составлять изъ нихъ отрядъ, другому развѣдать о переправахъ черезъ Дунай. Они оба знали о болгарскомъ проектѣ, и Максимовичъ привелъ ко мнѣ Филипповича и сказалъ: „очень важный планъ не можетъ осуществиться за неимѣніемъ самыхъ пустыхъ средствъ“. По мнѣнію Филипповича, можно было взять Тульчу (въ крѣпости небольшой гарнизонъ). Добровольцы, рѣшившіеся жертвовать своею жизнью, на лицо, и только имъ нужно 600 р. с. Посоветовавшись съ Максимовичемъ, я рѣшилъ выдать эти деньги Филипповичу, но съ тѣмъ, что если произойдетъ какая-либо остановка, то чтобы онъ передалъ эти деньги въ Болгарскіе комитеты для отсылки добровольцамъ въ Сербію. Филипповичъ такъ и сдѣлалъ, т.-е. передалъ деньги въ Болгарскіе комитеты и доставилъ мнѣ росписку. О причинахъ, почему предпріятіе Филипповича не удалось, я расскажу въ своемъ мѣстѣ.

Отъѣзжая уже за границу, я не разъ наталкивался на неумѣлость нашихъ добровольцевъ. Большинство изъ нихъ

ступить не могло на чужой сторонѣ и за каждымъ пустякомъ лѣзли къ своему офицеру. Дорогою я слышалъ слѣдующіе отзывы о нашихъ: „*Quelles figures horribles. S'ils se promènent, ils se promènent bien*“. Мы боимся навлечь на себя подозрѣніе, а Европа осуждаетъ насъ даже и тогда, когда мы и не виноваты. Въ Яссахъ произошла остановка: вдругъ потребовали паспорта. Я проскользнулъ и, взявъ вещи, попалъ во-время на другой поѣздъ. Въ вагонѣ высказывались сочувственные отзывы русскому движенію. Вообще я не понималъ того обстоятельства, какъ добровольцы цѣлыми партіями переходили черезъ границу и какъ ихъ не останавливали.

Многіе изъ добровольцевъ, дѣйствительно, переступивъ русскую землю, облачались въ какіе-то фантастическіе костюмы. Вагонъ пестрѣлъ отъ русскихъ красныхъ рубашекъ; за поясомъ непремѣнно торчали кинжалы, револьверы и т. д.

Но самое интересное произошло на границѣ. Таможенное начальство предупредительно задержало поѣздъ, имѣя въ виду, что осмотръ вещей (тутъ была огромная кладь, направленная въ Сербію) потребуетъ времени. Румыны рылись въ каждомъ ящикѣ, отыскивая оружіе. Подходить доброволецъ и спрашиваетъ таможеннаго начальника: „гдѣ тутъ размѣнять деньги, гдѣ тутъ взять билетъ, гдѣ мой багажъ, гдѣ тутъ поѣсть?“ Таможенный начальникъ, желая поскорѣе отправить добровольцевъ, былъ такъ любезенъ, что взялъ всѣмъ билеты и возился съ распаковкою вещей, отсылаемыхъ Черняеву. Ему было не до вопросовъ, потому, что онъ занимался спѣшнымъ дѣломъ и объяснялся съ румынами. Онъ только сказалъ: „ахъ, господа, дайте передохнуть немного, поищите сами“. Въ толпѣ поднялись крики. Нѣкоторымъ, болѣе благоразумнымъ удалось успокоить бушевавшихъ, а таможенный начальникъ съ большимъ достоинствомъ замѣтилъ: „Господа, все это я дѣлаю не по обязанности, а по доброй волѣ, для Славянской идеи; а потому ваша брань, ваши претензіи не производятъ на меня впечатлѣнія“.

Румыны говорили о своемъ войскѣ, что оно способно только для парадовъ и что денегъ тратятъ на него очень много. Дѣла коммерческія въ рукахъ болгаръ, которыхъ очень много въ Румыніи. Аристократія вся въ долгахъ. Невеселая картина, думалъ я. Убѣдиться въ томъ, что мнѣ говорили, я не имѣлъ времени. Проходя по вагонамъ, я попалъ не въ свой, а въ другой, и увидѣлъ красиваго старика съ тонкими чертами лица и бѣлой окладистой бородой. Онъ обратился ко мнѣ со

слѣдующими словами: „C'est un beau mouvement. Un grand gouvernement ne peut ne pas avoir de politique“. Только жалко, что намъ не говорятъ, чего собственно хочетъ Россія. Съ этимъ вопросомъ онъ обратился къ нашему представителю въ Бухарестѣ, который сказалъ, что достоинство Россія не дозволяетъ ей торговаться *donnant-donnant*. Что, напротивъ, услуги, предлагаемыя Румыніею, должны быть *motu proprio*.

„Да, и онъ продолжалъ: „Если бы вы сказали намъ, чего вы хотите, мы знали бы, какъ дѣйствовать. А то возникаютъ недоразумѣнія и даже непріятности. Намъ нужно одно: *Gaudez vous notre indépendance...*“

Поѣздъ Новоселова возбудилъ цѣлую переписку между нашимъ министерствомъ и англійскимъ консуломъ и Савфетъ-пашею. „Я самъ занимаю высокій постъ—я министр“. „Не г-нъ ли Братіано“?

Потомъ, говоря о добровольцахъ, онъ сказалъ: „*Les sabres ne sont pas des armes. L'arme blanche n'en rien en ce moment*“. „Вотъ какъ мы смотримъ на поѣздки добровольцевъ“. Говоря это, онъ поднялъ руку къ глазамъ и сквозь пальцы хитро высматривалъ меня. Я сообщилъ ему о движеніи въ Россіи: „*Oui, vous aviez un gouvernement,—maintenant, vous avez un peuple. Nous Roumains, nous avons été toujours d'accord avec les Slaves. Онъ порицалъ Венгерскій походъ: тогда мы могли избавиться отъ Австріи; теперь время прошло, и намъ не позволить Германія. „Une lutte est imminente entre la race slave et germanique“. Я возражалъ ему на это, ссылаясь на родственныя и дружественныя отношенія. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Il n'y a pas de gratitude en politique. Bismarck peut vous tromper, comme il a trompé tant d'autres*“. Я старался доказать ему, что это была бы близорукая политика, на которую онъ неспособенъ. „*Nous autres Rouges, nous sommes pour le mouvement—vous vous devez notre indépendance. Mais vous pouvez changer, vous pouvez nous sacrifier comme Napoléon III a voulu le faire pour s'assurer l'alliance de l'Autriche*“.

Мнѣ особенно нравились его черные: выразительные глаза. Манера говорить, очень пріятная, любезная. Мы проговорили съ нимъ нѣсколько станцій, касаясь, почти безъ перерыва. Выходило оригинально, что Братіано говорилъ съ первымъ встрѣчнымъ о томъ, о чемъ у насъ произносили шепотомъ. Объяснить это легко устройствомъ Румыніи, въ которой для проведенія какой-нибудь мысли требуется участіе всей страны, дружное содѣйствіе палаты и печати. Программа каждаго вывѣшивается на стѣнахъ, появляется въ столбцахъ газетъ.

Я зналъ конечно и другіе примѣры, въ парламентской жизни Венгріи. Тамъ если графъ Андраши говорилъ что-нибудь по секрету въ палатѣ, то это и оставалось тайной между нимъ и палатой. Изъ другихъ источниковъ (Стюартъ) мнѣ удалось узнать о желаніи Братіано сойтись съ нами. Онъ ѣздилъ въ Кронштадтъ въ Трансильваніи (для свиданія съ австрійцами), но оттуда пріѣхалъ разочарованнымъ въ своихъ надеждахъ. Эта была главная причина, отчего онъ обратилъ взоры на Россію и устроилъ поѣздку въ Крымъ. Потомъ онъ выспрашивалъ Стюарта про меня: „Молодой человекъ... французская фамилія—де Рибасъ—де Воллантъ“.

Изъ послѣдняго разговора съ нимъ и другими я убѣдился, что поѣздка Максимовича (онъ былъ посланъ осмотрѣть удобный пунктъ для переправы) совершенно бесполезна. Переправа черезъ Дунай была бы очень легка, если бы румыны способствовали проѣзду нашихъ казаковъ; но она невозможна, если они не сойдутся съ Россією и будутъ за каждымъ пустякомъ обращаться къ Европейскому ареопагу. Румыніа могла осматривать и задержать каждаго добровольца, и прохожденіе цѣлаго вооруженнаго отряда въ Болгарію не могло пройти незамѣтнымъ для румынской полиціи. Свинець, предназначенный для сербовъ, лежалъ въ таможенѣ, и объ немъ шла обширная переписка, не принесшая никакой пользы Черняеву. То же происходило съ оружіемъ, которое было задержано на Румынской границѣ. Свинець и оружіе, какъ мнѣ сказали свѣдущіе люди, должны быть направлены въ Турнъ-Северинъ (а не въ Сербію), а тамъ все дѣло предоставить мѣстнымъ агентамъ, которые за извѣстное вознагражденіе переправятъ его въ Сербію: и волки сыты, и овцы цѣлы. По вопросу объ оружіи выходила разногласица. Было оружіе болгарское, было и сербское. Какъ тутъ разобраться въ этомъ хаосѣ, гдѣ каждый думалъ о своемъ личномъ планѣ, и гдѣ не было одной направляющей руки?

Всего лучше эта разногласица проявляется въ болгарскомъ проектѣ.

Г. А. де-Воллантъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

